

5 P2
B 995

Г. Вяткин

Судовые
Рассказы

Осень

0
Г. ВЯТКИН

Основной фонд

P2

13 995

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

44992
909413
66
451984
Л

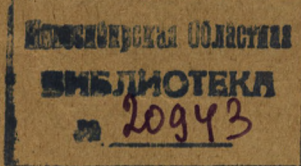
ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА

NGONB.RU

34923163017091

Одобрена Сибметодсоветом

352.

СИБКРАИЗДАТ
НОВОНИКОЛАЕВСК

1926
Б

ГУБЛИТ № 121.
ТИПОГРАФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ВЛАСТЬ ТРУДА
— ИРКУТСК —

1926.

Зак. 2657. Тираж 5000

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стан.
От автора	5
Два богатыря	7
Хан Сартык-Тай	9
Покинутый вождь	11
Людсод и нищий	13
Кара-Кула	15
Вода бессмертия	17
Печаль и радость Мергена	18
Золотой кол	20
Синица и хлебное зерно	21
Князь-вор	23
Барсучье войско	24
Еще о храбрецах	26
Маленькие в горах	28
Хитрый Аргачи	30
Аранай и Шаранай	32
Бой-девица	36

ОТ АВТОРА

Чем пленяют алтайские сказки? Стоит ли тревожить древний эпос ойротского народа, построенный, главным образом, на мифических подвигах? Ответить на эти вопросы не трудно.

Древние мифы везде одни и те-же. Но каждый народ говорит о них по своему, вкладывая свои самобытные черты.

Алтай величав и прекрасен. Кажется, что природа отдала ему все свои богатства: могучие горы, бурные реки, цветущие долины, золотые чаши озер, неисчислимые табуны лошадей, библейские стада овец.

Эта сила и щедрость земли, ее неиссякаемое плодородие, ее торжествующая мощь—составляют постоянный основной мотив алтайских сказок. Силе, мужеству, находчивости, изобретательности—поют они хвалу. Не чужды они и улыбке, и редкими, но звонкими струйками пробивается в них не злой, а здоровый смех. Пленяют алтайские сказки и радугой своих поэтических красок, своеобразием гиперболических эпитетов и образов, мудрой наивностью своих сентенций.

Предлагая детскому вниманию эти сказки, как занимательный и здоровый материал для чтения, я их подверг не только литературной обработке, но и исключил из них религиозно-мистический элемент, допустил местами иную интерпретацию. Все же художественные достоинства сказок мною тщательно сохранены.

Два богатыря.

Жил на Алтае богатырь Кыс-Мерген. Большой, как гора.
И жил другой богатырь Чулмус-хан. Как другая гора.

Жадны были оба, завистливы.

Поссорились из-за хорошего коня и вызвали друг друга на бой.

Схватил Кыс-Мерген свой тугой железный лук, натянул его так, что концы сошлись, и пустил осьмигранную стрелу в Чулмус-хана, да промахнулся: в лошадь его попал.

„Богатыри вызвали друг друга на бой“

Рассвиrepел Чулмус. Бросились богатыри друг на друга, из рук не выпускают один другого. Упали вместе на землю—затряслась земля, посыпались камни с гор...

Поднимутся враги и опять упадут. И снова поднимаются, ни один не может осилить другого.

Грохнутся на зeмь—выступает в реках вода из берегов.

Наступят на холм—рассыпается он как песок под ногами.

Черная пыль до снежных вершин поднялась, заслонила свет солнца и месяца.

Проходили дни, проходили годы, а богатыри все боролись. И дрожала земля, и уж до самых звезд долетала пыль.

Не выдержала земля: треснула под ногами богатырей, провалились они в тартарары. Лежат—хрипят от злости и усталости.

Подходит к ним Эрлик-князь, что внутри земли живет. Спрашивает сердито:

— Кто из вас первый в бой пошел? кто войну затеял? почему ни людям, ни земле покоя не даете?

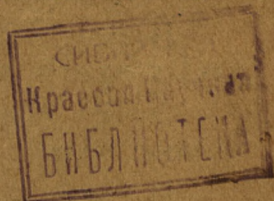
И придавил обоих железными глыбами.

Но и под железными глыбами не успокоились богатыри: нет-нет да и схватятся друг с другом снова.

И тогда снова трясется земля.

А конь, из-за которого боролись они, давным давно издох, и ветер разметал его прах на все четыре стороны.

Хан Сартык-Тай.

• Богат был хан Сартык-Тай.

Десять тысяч рабов работали на него день и ночь, а скота и всякого добра — не перечесть.

И силен был хан Сартык-Тай: возьмет с горы трехпудовый камень, размахнется, пустит его как стрелу в летящих журавлей, и падают они окровавленные вместе с камнем...

„Сартык-Тай бросает трехпудовым камнем
в летящих журавлей“

Дочь Сартык-Тая вышла замуж за китайского принца. Задумал Сартык-Тай навестить ее, взял золота и других драгоценностей в подарок ей, но подумал: мало этого, надо бы еще чего-нибудь...

Поехал. Проезжая мимо озера, вспугнул утку. Вылетая, утка взмутила воду.

— Э!—подумал хан—пожалуй и моя дочь пьет в Китае мутную воду!

И решил подарить дочери одну из алтайских рек с прозрачной водой.

Выбрал реку, провел канал через степи и горы—прямо в китайский город Пекин, и, приехав к дочери, сказал хвастливо:

— Вот видишь, дочь моя, все мне покорно! Даже реку провел сюда, как верблюда за повод!

Рассердилась вода, что хвалится хан подневольной рабьей работой и хлынула обратно.

И понял хан, что также—если захотят—уйдут от него и десять тысяч рабов.

Страх и тревога овладели Сартык-Таем.

А вода, отхлынув, собралась в озере, из которого вытекает Иртыш.

И кажется издали: река движется и не движется, идет и не уходит...

Когда же бежит по ней рябь—знай: река морщится и хмурится, вспоминая, как зазнавшийся хан хотел провести ее в Китай, словно верблюда за повод.

Покинутый вождь.

Худая собака только лает, худой человек только ругается.
Вождь одного племени Тас-Таракай был, как худая собака.
Собак бояться. Тас-Таракай тоже боялись и был под ним
народ, как трава под грозой и ветром.

„Перед ними—маленький, желтенький, плешивенький человек“

Добрел и пьянел он на народном поте, как кумыс на
хорошей закваске.

Красив был, собака: высок, краснощек, с волосами как густая грива.

Надоело, однако, народу быть под его ярмом.

Однажды ночью ушел народ, перевалил могучей лавиной за ту сторону гор. Остались с Тас-Таракаем только два его престарелых слуги.

Взглянули слуги утром на господина своего—и остолбенели:

— Стоит перед ними маленький, желтенький, плешивенький человечек. Шамкает что-то беззубым ртом, чего и разобрать нельзя, да покашливает. Полуглухой, полуслепой, расслабленный...

И поняли старые слуги:

— Вождь в народе, что дерево в земле. Убери землю и завянет в одну ночь!

Собрали слуги свои пожитки и тоже ушли за ту сторону гор.

А Тас-Таракай итти уже не мог. И, упав, медленно умирал, как дерево, с корнем вырванное бурей.

Людоед и нищий.

Двое батарчей, что значит нищие, заблудились.

Долго бродили они меж гор и, наконец, увидели: тянется из одной пещеры дым.

Обрадовались. Бросились туда.

А как только вошли—ноги у них подкосились со страху: в пещере сидел страшный одноглазый людоед и жарил человека...

Хотели было батарчи бежать, но людоед рассмеялся зло-радно и сказал:

— Все равно от меня не уйдете. Оставайтесь лучше пасти моих баранов.

И остались нищие жить у людоеда. Жутко им было. Каждый день уходил он на свою проклятую охоту, приносил человека и съедал.

Однажды вечером вернулся одноглазый без добычи, схватил одного батарча и съел его. Наевшись, заснул.

— Плохо дело!—сообразил другой батарчи.—Этак он и меня слопают.

Взял батарчи железную палку, накалил ее на огне, да как ткнет в глаз людоеда,—тот сразу и ослеп. Вскочил, зарычал и давай ощупью искать нищего. Но легко ли найти, когда на ночь в пещеру были загнаны все бараны. Залез нищий большому барану под брюхо, вцепился обоими руками в шерсть, баран со страху выбежал из пещеры, а нищему только этого и надо.

Выбрался он на тропинку, дошел до юрт.

Около юрт женщины кобылиц доят, кумыс заквашивают.
О жертвах людоеда плачут.

Рассказал им батарчи обо всем. Не поверили женщины, что ослеплен людоед, сказали мужчинам.

Повел батарчи мужчин к пещере, разорвали они людоеда на куски, а баранов его отдали нищему.

Кроме баранов, дали еще красивую жену и, кланяясь, просили:

— Будь нашим ханом, будь нашим повелителем!

— Нет,—ответил батарчи,—баранов я взял, но ханом быть не согласен, ибо не хочу, чтобы вы сами были похожи на баранов.

И пошел он с женой и со своими стадами в горы, весело посвистывая.

Кара-Кула.

Много на свете страшных зверей, но бесстрашно сердце у смелых.

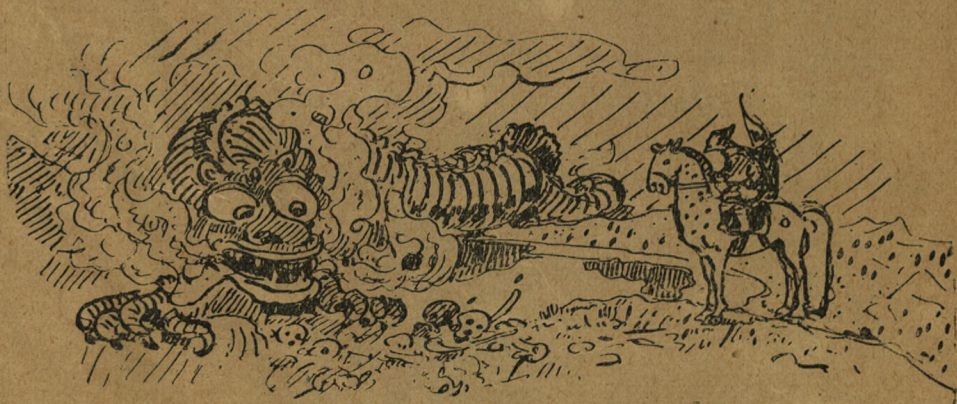
Полюбил богатырь Мондур одну славную девушку. Сказал ей: будь мне женой.

Промолчала девушка. Только улыбнулась несмело и ниже опустила прекрасные ресницы. За нее ответил старик—отец:

— По ту сторону гор живет царь зверей Кара-Кула. Принеси мне два его клыка—подпереть мое старое жилище. Тогда отдам тебе дочь.

— Ну, что-ж, подумал Мондур. Конь не золото, чтобы не истлеть; молодец не вечен, чтобы не умереть.

Надел золотой кафтан с 66-ю пуговицами, надел тяжелый черный панцырь, взял свой охотничий лук, припоясал колчан, в котором стрелы были как лес, прицепил меч из белой стали, сел на коня и поехал.

„Богатырь и чудовище“

Как гром громыхал железный панцырь. От удара копыт загорались камни, кипели озера и реки. Развевалась одежда богатырская, как орлиные крылья.

Сколько времени ехал—не знает. Но вдруг остановился конь, как вкопанный. И спрашивает Мондур коня:

— Черную гору вижу я, и два круглых озера и черный туман, как дым... Что это такое?

— Это Кара-Кула—отвечает конь. Черная гора—это его нос, два озера—это его глаза, а черный туман—это его дыхание.

Нахмурился богатырь: никогда не встречал такого чудовища.

Нахмурился и Кара-Кула. Открыл пасть, шевельнул клыками: на одном клыке торчат присохшие кости 70-ти богатырей, на другом клыке присохшие кости 60-ти коней.

Слез Мондур с коня, схватил камень величиною с юрту и ударил, что есть силы, Кара-Кулу промеж глаз, так что оба глаза лопнули и озерами вытекли.

— Пощади, не губи меня!—завопило чудовище.

— Нет!—крикнул Мондур.—Пущенная стрела не возвращается. Без твоих клыков назад не поеду.

И убил Кара-Кулу, выдернул клыки, повез их старику и невесте.

Обрадовалась невеста неслыханной победе.

Обрадовался и ее отец. И стали готовиться к свадьбе.

— Пусть будет пир на 9 лет, пусть на 7 лет будут игры,—объявил старик.

Собрался на свадьбу народ и с гор и с долин.

9 лет продолжался пир. 7 лет продолжались игры.

И каждым вечером пел баян-кайчи славные песни гостям. И песен было так много, как много цветов на Алтае...

Вода бессмертия.

Лечат больных шаманы, но пользы от этого мало.

А с одним охотником случилась вот такая история. Ранил он марала. Раненый зверь, истекая кровью, стал убегать. Однако, силы его все слабели, и охотник снова подбежал к нему на расстояние выстрела. Вдруг марал остановился у какого-то источника, напился воды и—словно совершенно здоровый—стрелой помчался в горы.

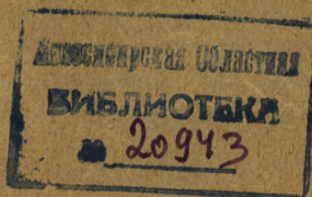
Подошел к тому же источнику и охотник, напился, и почувствовал, что это вода необыкновенная, вода бессмертия.

Была у охотника в сумке сушеная рыба. Опустил он рыбу в источник и через недолгое время рыба ожила и стала плавать.

Случилось это сотни лет назад, охотник живет где-то до сих пор, о необыкновенном источнике люди на Алтае знают, но только путь к нему никак не найдут.

Ну, что-ж, подождем. Не нашли сегодня—найдут завтра. Хорошо будут искать—значит, найдут.

20943

Печаль и радость Мергена.

Всего вдоволь было у Мергена: и коней, и овец, и ковров-цветистых.

Не было только детей. А годы проходили и уходили...

Пели птицы, зеленели леса, блистал Алтай красотой неувядаемой.

— И мне бы петь и радоваться, думал Мерген, но нет у меня сына, который радовал бы мое сердце, нет у меня дочери, которою я мог бы породниться с хорошим человеком. Умру и некому будет похоронить: червь понесет мой прах вниз в землю, а птица вверх.

Так печалился Мерген. И часто пел скорбные песни.

Грустно и тоскливо пел Мерген. Камни и деревья вторили эхом его песням. Птицы летали за ним и словно хотели утешить.

И спрашивали люди друг друга:

— Что за несчастный поет эти песни? о чем он тоскует?

Услышала эти печальные песни единственная дочь старого воина Куманака. Выбежала из своего золотого дворца навстречу Мергену, и молвила ему приветливо:

— Я хочу быть тебе женою, хочу родить тебе сына и дочь.

Догнал Куманак свою дочь и гневно оттолкнул ее в сторону. А с Мергеном затеял бой.

Силен Куманак, но еще сильнее Мерген.

Начал Мерген трясти своего противника, как куст малины, и стал мять его в руках, будто сырой ремень. То поднимал и подбрасывал под облака, то швырял о землю. Играл Куманак, как кошка мышью, и, поиграв, бросил.

Отдышался Куманак и говорит.

— А хорош ты, молодец, хоть и не молод! Ежели дети в тебя пойдут, никому не одолеть нашего народа. Бери мою дочь и будь ей мужем.

Через год у Мергена родился сын. Родившись, не пищал без толку, а лишь крякнул и потянулся, да так крепко, что юрта затрещала.

„Начал Мерген трясти своего противника как куст малины“

— Эге! — весело усмехнулся Мерген. — Видно, моим печальным песням пришел конец. Пора петь другие.

И запел так, что закачались и заплясали деревья:

„Ну-ка, ну-ка, ну-ка, ну-ка,
Без ребят не жизнь, а скука.
Я как куст, а ты цветок,
Здравствуй, милый мой сынок“!

Золотой кол.

Много в небе звезд, но лишь одна — верная.

Если направить ружье на какую-нибудь звезду и долго целиться, то всякая звезда сойдет с места. Но Алтын-Казык не сойдет никогда.

Ученые люди зовут эту звезду Полярной. Алтайский народ говорит о ней:

— Это Алтын-Казык, что значит золотой кол. Богатырь Канд-Жигей, путешествуя по небу, привязывает к золотому колу своего коня на выстойку. Крепко вколочен в небо золотой кол, никакая сила не сдвинет его с места.

Синица и хлебное зерно.

Это было тогда, когда люди еще не умели сеять хлеб.

Как темная ночь на землю, пала беда на алтайский народ. Три дня и три ночи лил весенний дождь, а потом ударил мороз, застыла земля под ледяной коркой, скользил и падал и погибал скот.

Когда сдохли все овцы и коровы, стал народ голодать. Обессилили молодцы, разучились смеяться девушки. Смолкли песни. Только бойкая синица попрежнему летает и посвистывает. Но и ей стало жалко людей. И она замолкла и полетела на золотую гору к волшебнику—просить помощи людям.

„Красавица с лица как золотое солнце, а со спины—как серебряный месяц“

Прилетев на золотую гору, обернулась синица красною девицей, молодой красавицей. Сама на себя не налюбуется: с лица—как золотое солнце, со спины—как серебряный месяц.

Залюбовался красавицей и волшебник. Спрашивает ласково.

— Откуда ты появилась, дитя? И что тебе надобно?

— Горный народ голодает—промолвила она.—Скажи, чем ему питаться. Помоги ему.

Волшебник достал хлебные зерна, насыпал их в серебряный ящичек и передал ей:

— Отнеси эти зерна своему народу, пусть засевают ими долины и горы.

Бережно взяла красавица ящичек с зернами и пошла назад, к голодающим.

По дороге, у синего леса, встретил ее волк. Огромный белый волк с хвостом в 60 сажений. И зубы торчат в раскрытой пасти—как острые колья.

Испугалась красавица, снова обернулась синицей, да только вот беда: уронила серебряный ящичек, рассыпала хлебные зерна.

Бросился волк к ящичку, а синица—цап-царап!—из под волчьего носа пару зерен клюнула и понесла их во рту дальше. Все-таки пригодятся.

Прилетела к голодающим, выдолбила клювом ямку в земле, посадила туда зерна, как детей в колыбельку.

Взошли зерна—пышными колосьями ржи и пшеницы.

С той поры и пошел на земле хлеб...

А волк в злого Хана обернулся и продолжал отбирать у людей серебро и хлебные зерна, собирать дань.

Когда не будет Хана, тогда не будет и голода.

Князь-вор.

Жил-был на свете один князь. Жадный-прежадный.

Имел столько богатства, что если бы раздать поровну всем, то весь народ стал бы богатым. И, все-таки, князь был недоволен, все ему казалось мало...

Попался как-то ему на дороге босой человек.

— Кто ты?—спросил князь.

— Я вор—ответил босой человек.

— Так пойдем вместе—сказал князь.—Я тебе буду помогать, а добычу пополам.

Вор согласился. Подошли они ночью к чужому стаду. Вор поймал барана, зарезал и говорит князю:

— Ты обдирай шкуру, а я пойду к речке напиться...

Взялся князь обдирать, да ничего у него не вышло. Вор вернулся, поглядел и выругался:

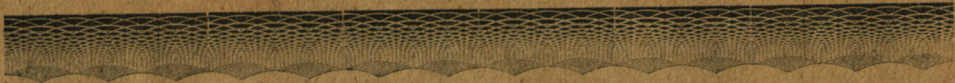
— Эх, ты, растяпа! даже этого не сумел...

Усмехнулся князь и говорит:

— Знаешь-ли, приятель, сдирать шкуру с барана куда труднее, чем с людей.

И вернулся князь домой. А вор плюнул ему вслед и пошел своей дорогой.

Барсучье войско.

Хорошо жить без войны. Добреют люди, тучнеет скот, и трава на пастбищах вырастает такая, что только войди в нее — пропадешь с головой...

Да ханы и князья не спрашивают, хорошо народу или плохо, и делают войну. Даже забавляться иначе не могут.

Хан Алтын-Таш рассердился на хана Сой-Ло, и решил его напугать.

Поймал двести барсуков и двести сурков, дал им в передние лапы по палке камыша и погнал прямо к жилищу Сой-Ло.

Жена у Сой-Ло толстая, а жир съедает отвагу — толстые люди трусливы. Увидела издалека барсучье войско и закричала, забила, заплакала:

— Ох, горе, горе! чудовищный враг приближается!

Вскочил хан Сой-Ло и смотрит. Остры глаза у Сой-Ло, как у беркута, и видит он, что это всего лишь барсуки да сурки.

Вышел на соседнюю горку да как крикнет! — будто ударил гром...

Выпали камышевые палки из лап звериных, остановилось войско барсучье.

Крикнул Сой-Ло другой раз — так что камни в горах как от грома треснули... Разбежались барсуки и сурки кто куда. А позади их сам Алтын-Таш на коне показывается, на серебряном седле покачивается. И досадно ему и смешно: хотел напугать да ничего не вышло.

Слез с коня. Подошел к хану Сой-Ло. Руку протягивает.
А тот говорит сердито:

„Ой, горе, горе! Чудовищный враг приближается!“

— Зачем зверей согнал? Или народ твой не хочет идти на меня?

Отвечает Алтын-Таш:

— Народ я для настоящего дела берегу.

А настоящее дело известно какое: когда вода в реках становится красной от человеческой крови.

Хорошо берегли ханы народ!

Еще о храбрецах.

Храбрые люди, как огни ночью: с ними нигде не страшно.

Жил—был на Алтае храбрец Кан-Тади. А в Алтайской тайге жило чудовище Муусь о шестидесяти головах. Одна голова кричит, другая свистит, третья зубами лязгает... И говорили люди, что ежели кто все 60 голов увидит, тот от страха на месте умирает.

Кан-Тади не из пугливых: решил он чудовище убить. Взял свой тяжелый меч, наточил его о гранитную скалу и пошел к Муусю.

Встретились. У Мууся все 60 голов зубами лязгают на храбреца.

Размахнулся Кан-Тади, да как хватит мечом сразу по всем головам,—посыпались они, как орехи из сухой кедровой шишки,

„Отважный Кан-Тади и чудовище Муусь“

и замолчали навек. Только одна голова стала прыгать и хохотать. Ударит ее Кан-Тади, а она как мяч подпрыгнет и опять хохочет. Ну, да голова без туловища не живет: попрыгала — попрыгала, да и затихла. Было чудовище и кончилось...

А вот рассказ про другого храбреца, по имени Ару-Мандай.

Жили в одном глухом овраге у большой дороги два бурых медведя да два необыкновенных волка. Никому ни прохода, ни проезда не давали. И вот богатырь Ару-Мандай надумал померяться с ними силой.

Пошел на страшное дело и даже меча не взял. Только руки богатырские поразмял хорошенько да в плечах понатужился.

Подошел к оврагу. Медведи на него! А он схватил их за уши, переломил им шеи, снял с них шкуры, положил шкуры в карман и говорит:

— На одну рукавицу хватит.

В это время выскакивают волки. Ару-Мандай схватил их за уши, переломил им спины, содрал шкуры, положил в другой карман и говорит:

— Теперь будет и другая рукавица.

Вернулся домой в юрту, где сидели в слезах четыре его дочери, думавшие, что богатырь погиб; бросил он им четыре шкуры и сказал:

— Шейте мне рукавицы, да попрочнее!

Обрадовались дочери, что жив и здоров отец, и до поздней ночи шили ему рукавицы — такие большие, что пятилетний ребенок мог бы спать в них, как в люльке...

Маленькие в горах.

Пусть хмурится мир для тех, кто стар, но пусть улыбается детям.

Давным-давно, когда еще никого из нас не было на земле, прошел по Алтаю пожар, такой, что почти ничего не осталось, все сгорело. Как голодный пес подбирает крошки, так огонь слизал юрты, лес, коней и овец. От жара кипели реки, а дым можно было видеть даже из Китая,—дым поднимался до самого солнца. Кто хотел спастись—бежали через горы, куда глаза глядят.

От большой семьи пастуха Олон-Бира осталось только двое маленьких детей: девочка и ее младший брат, да уцелел еще двухлетний молодой конь. Взяли дети коня в повод и побежали на полдень, счастья искать, спастись.

Сами идут и коня ведут, и все трое—голодные и все трое спотыкаются.

Путь чем дальше—тем труднее. Вязнут ноги в горелом буреломе, в серых кучах лесной золы. Как чудовищные головешки, висят черные от углей и копоти горы. Пройдут одну гору, а впереди еще десятки: со всех сторон обступили, и кажется нет из них выхода.

— Почему горы такие большие, а мы такие маленькие?—спрашивает мальчик.

— А ты сядь на коня и будешь большой—говорит девочка.

Сел мальчик на коня и чувствует, как от лошадиного тела тепло идет, а с теплом сила. Девочка ведет коня за повод и думает: скоро ночь, на нас нападут волки. А мальчик едет и думает: пусть даже волки—ничего! я теперь большой и сильный.

Вечером остановились они у Синеи реки, под высоким опаленным тополем. Сели под ним—словно пара грибов выросла; а конь воду из реки пьет, сил на завтра набирается.

„Сели дети под тополем—словно пара грибов выросла“

Вдруг смотрят: падает лист с тополя, упал и сделался черным крепким панцырем. Потом другой лист—черным тугим луком, вместе с колчаном стрел,—прямо к ногам детей. Потом третий—белым стальным мечом. И четвертый—серебряной уздой пал на коня.

Смотрят дети, смеются, радуются.—Ну, теперь не пропадем!

И когда к реке прибежала пить воду черная коза—мальчик ловко подстрелил ее из лука. Они поели ее мяса, а из меха сделали себе покрывало, а большие кривые рога девочка привязала к своей голове, чтобы пугать зверей и разбойников, если попадутся.

Но горы, должно быть, тоже испугались страшных ее рогов—горы утром раздвинулись, и дети пошли-поехали по широкой дороге туда, где уже виднелись стада и юрты родного народа.

Хитрый Аргачи.

Аргачи был старый мошенник. Жил тем, что людей обманывал. Только об одном и думал: как бы кого-нибудь надуть, да где-нибудь чем-нибудь поживиться.

Даже когда у него умерла старуха-жена, он и тут решил поживиться. Он посадил ее в юрте так, как будто старуха живая, и дал ей в руки нитки, будто она ткёт пряжу. А сам пошел к хану и заявил, что может предложить его дочерям новые товары—украшения и наряды. Услышали это три ханских дочери и побежали в юрту Аргачи смотреть товар.

Аргачи и кричит им:

— Не ходите без меня! не ходите! Моя старуха боязлива, она может умереть от страха—и тогда мой заколдованный товар превратится в угли.

Но девушки не послушались и побежали в юрту.

Только дотронулись они до плеча старухи—повалилась она на землю мертвая. А около стены, вместо товара, оказались угли.

Аргачи стал плакать и жаловаться, что девушки погубили его жену и богатство. Хан пожалел его, разрешил взять ему одну из дочерей в жены и заплатил за товар, которого и в помине не было.

Когда же через несколько лет хан узнал об этой жульнической проделке, он приказал мошенника казнить, сжечь на костре.

Связали Аргачи, обложили валежником и стали поджигать. Как только искра загорится, Аргачи незаметно плюнет на нее и погасит, а потом и говорит:

— Я на таком валежнике гореть не буду, он сырой. Принесите-ка мне лучше сухого можжевельника.

Люди пошли за можжевельником. В это время подъезжает на вороном иноходце кривоглазый ханский сын, ездивший в

Увидел он Аргачи на валежнике и спрашивает: „Ты что тут делаешь?“

гости в соседнее ханство. Увидел он Аргачи на валежнике и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

Аргачи прищурил один глаз и отвечает:

— Да вот окривел без тебя на один глаз, и лежу, чтобы вылечиться.

— А разве это помогает?

— Очень даже помогает, лучше не надо.

— Ну, так дай мне полежать на твоём месте.

— Ладно. А ты мне дай своего иноходца.

Вскочил Аргачи, сел на иноходца—и поминай как звали. А кривоглазого ханского сына чуть было, вместо Аргачи, на костре не сожгли...

Аранай и Шаранай.

Хорошие кони у богатыря Бучия: рыжий конь для работы, белочубарый конь для езды по гостям и синечубарый конь железного цвета конь, с крепкими, как железо, копытами—для охоты. Хороши и два его черных беркута и две пары черных собак и неисчислимые табуны кобылиц.

Да плоха жена у Бучия,—звать ее Темене. Да коварна сестра у Бучия, звать ее Ермен-Чечен. Жена, что трава на ветру, куда ветер подуй — туда и клонится. Сестра, что змея в траве —

только и ждет, чтоб ужалить.

Уехал Бучий на охоту. Поднялась Ермен-Чечен на верши-

„Приезд разбойников“

ну горы, стоит и смотрит, но не туда смотрит, куда брат уехал, а туда, где живут разбойники Аранай и Шаранай. Видит Ермен-Чечен как в разбойничьем озере две утки плавают. Кликнула своего ручного белого сокола и говорит ему:

— Принести мне двух уток, пера их не поломав, мягкого пуха не помяв.

Полетел сокол — только крылья зазвенели. Не дал уткам нырнуть, схватил их и принес к Ермен-Чечен, пера не поломав, пуха не помяв.

Под крылья уток положила сестра записку разбойникам:

— Жена осталась без мужа, скот без хозяина. Аранай, Шаранай, приезжайте и забирайте.

Приехали они и говорят:

— А что, ежели Бучий раньше времени вернется?

Отвечает Ермен-Чечен:

— Надо приготовить вино с ядом. Я это сделаю.

— А ежели заподозрит и пить не станет?

— За меня не станет, за жену не станет. А за сына-малютку пить будет.

Рано вернулся с охоты Бучий. Удачной была охота: такая обильная добыча навьючена, что у коня только хвост да грива видны.

Слез Бучий с коня у золотой коновязи. Вошел в юрту.

Жена поставила золотой стол о шестидесяти шести углах, положила хорошую пищу — алимачикир, налила отравленного вина в золотую чашу и сказала:

— Ты голоден и устал. Ешь и пей вволю.

Не стал есть и пить Бучий.

Тогда взяла жена малютку-сына к себе на грудь и говорит:

— Выпей за здоровье единственного своего сына.

Выпил Бучий. Точно огня проглотил: тело и кости стали гореть. Яд искрами вылетал изо рта и из ноздрей, и сестра эти искры затираала ногами. Но огонь злее злой женщины: пожаром занялись стены, запылал сухой камыш в долине.

Выбежали все из юрты. Кричит Ермен-Чечен разбойникам:
— Теперь рубите ему шею!

Зарубили Аранай и Шаранай Бучия, и кровь из богатырского тела стала заливать пожар...

Малютка-сын в ужасе ползком побежал от злодеев. Недобрая мать догнала его и обрезала ему тонкие ножки, еще не умеющие ходить. Но и лишившись ног, дитя на руках уползло в горы, чтобы только не видеть мать.

Забрали Аранай и Ша-

Сын мой! у меня есть долг—отомстить обиду!

ранай весь скот, все богатство Бучия, жену и сестру его и пошли искать нового места, нового стойбища.

Ехал Аранай на белочубаром коне—пал под ним конь и остался лежать неподвижно.

Ехал Шаранай на синечубаром коне железного цвета—пал под ним конь и не пошевелился.

Ехали женщины на рыжем коне — пал под ними конь бездыханным трупом.

Ускакали неизвестно куда черные собаки Бучия.

Улетели неизвестно куда черные беркуты.

А дорога все труднее и сумрачнее.

Заплакали женщины. Поняли: не видать им счастья...

Тем временем малютка-сын обратно домой приполз.

Отломи у дерева ветку — солнце захочет, и она снова вырастет. Солнце захотело — и выросли у малютки ноги, и зажили тяжкие раны богатыря Бучия.

Встал богатырь, как ни в чем не бывало, потянулся, крикнул, ладони потер: — Ну и долгонько же я спал! — говорит.

Но взглянул кругом — и вспомнил.

Надел снова черный железный панцырь с девяносто девятью пуговицами, белый меч привесил у пояса, привязал сзади колчан с тучею стрел и тихо сказал малютке голосом, подобным далекому грому:

— Сын мой! есть у меня долг — отомстить обиду. Жди меня здесь. Скоро вернусь.

Дрожат в тайге Аранай, Шаранай и неверные женщины: чувствуют — гроза надвигается. Скоро догнал их богатырь. Молниями засверкали глаза и стрелы и меч Бучия.

И уже мчались к нему его ожившие кони, его собаки и беркуты.

Бой-девица.

Повелел хан Тойбон своим десяти князьям-зайсанам войной на хана Кулузуна итти.

Девять зайсанов мигом собрались, снарядили войско и поехали. А десятый—старик Олок-Шин—задержался. Одряхлел старик так, что не может и на лошадь забраться, не в силах меча поднять.

Говорит ему старшая дочь:

— Я за тебя поеду!

Вооружилась, села на пегого коня, поскакала. Вдруг из-за горы выбегает огромная черная лисица с девятисаженным хвостом. Испугался конь, прынул назад, слетела девица с седла и разбилась, едва домой добралась.

Тогда предложила себя на замену средняя дочь:

— Сиди дома, отец. Я за тебя поеду. Только бы крепче затянуть подпруги!

Затянула крепче подпруги, поскакала. Из-за горы опять выбегает лисица с девятисаженным хвостом. Опять встал конь на дыбы, сбросил девицу.

— Горе мне!—вздыхает старик Олок-Шин.—Никто не может заменить меня, разгневается на меня хан Тойбон.

Услышала это младшая дочь и спросила гордо:

— А я? дай мне твой меч, лук и стрелы, и я покажу, что достойна их.

Надела черный панцырь, взвалила на плечи лук, закинула косу за спину и помчалась. Смотрит, а навстречу бежит лисица с девятисаженным хвостом. Конь бросился назад, но

бой-девица разодрала ему рот до ушей и удержала. Выдержала стрелу из колчана и пригвоздила черную лисицу к черному дереву.

Приехала к хану Тойбону:

— Хан! мой отец одряхлел, я хочу его заменить, хочу присоединиться к девяти зайсанам.

Сердито усмехнулся хан:

— Да они уже проехали половину пути! И куда тебе, девочка, гнаться за ними? Возвращайся лучше к отцу. Авось, они и одни справятся с Кулузуном.

„Бой-девица сильно натянула лун“

Но бой-девица поскакала вперед, догнала зайсанов. Увидели они ее и смеются: куда тебе с нами! не пристало девушке воевать, вот помоги лучше проложить нам дорогу в лесу.

Лес густой, как стена. Рубят-рубят просеку, а все просвета не видно. Измучились и воины и зайсаны. Недолго думала бой-девица: вытащила из колчана самую большую стрелу, положила ее на тетиву и так сильно натянула лук, что железные концы его сошлись вместе. Рванулась стрела

из лука, как огонь из тучи, и разрежала лес пополам — широкой просекой до самого конца.

Подивились зайсаны и воины на силу и ловкость бой-девицы, воздали ей хвалу и двинулись дальше. Ночевать остановились у обрыва пропасти, за которой и есть Кулузуново ханство. На девяти тысячах мест устроили ночлег и долго думали, как же через пропасть пробраться: ни мостика, ни перехода нет.

А бой-девица превратилась в маленькую серую птичку, перелетела через пропасть и прямо на юрту хана Кулузуна села, на тюндюк, через который дым из очага выходит. Села и слушает, как старый хан Кулузун говорит своей ханше:

— У сухого тополя есть волосяной переход. Если найдут его — переправятся, и тогда нам беда. Но ничего врагам я не дам: народ превращу в угли и песок, тебя в деревянную кожемялку, себя в паршивого верблюда, а единственное дитя в молодую березку.

Прилетела птичка обратно в свой стан, стала снова девушкой и чуть свет провела Тойбоново войско через волосяной переход.

Пришли зайсаны в Кулузуново ханство, а там и воевать не с кем: только угли да песок, да старая кривая кожемялка на песке. Да паршивый верблюд, на которого и глядеть противно. Да одинокая молоденькая березка.

Плюнули с досады зайсаны и двинулись назад. А бой-девица угли и песок подбирает: в две сумы кладет. „Старому отцу, говорит, пригодится для раскалки железа“.

И кожемялку подобрала — „пригодится старые кожи мять“.

И паршивым верблюдом не побрезговала: „пригодится для возки дров“.

Вернулись зайсаны и дочь Олок-Шина из похода, к хану Тойбону явились.

— А где же ваша добыча? — спрашивает Тойбон.

— А вот! — отвечает бой-девица. Бросила в поле угли и песок — появился на поле новый народ. Бросила на землю кожемялку — превратилась кожемялка в Кулузунову ханшу. Моло-

дая березка рядом легла и превратилась в дитя послушное.
Толкнула бой-девица верблюда—упал верблюд и превратился
в самого Кулузун-хана.

Дивятся Тойбон и зайсаны на этакое диво. Не знают какими словами хвалить бой-девицу.

Бой-девица только улыбнулась, села на коня и поехала
домой.

